

Е. В. Ческая

ГОРОДСКАЯ МОЗАИКА В РАССКАЗАХ И ФЕЛЬЕТОНАХ М. М. ЗОЩЕНКО 1920-х ГОДОВ

Наверное, невозможно представить себе сегодня человека, который бы не знал имени Михаила Зощенко. Чем больше проникаешь в созданный им мир – читая книги писателя или мемуары о нем – тем больше убеждаешься, что эта уникальная писательская личность сопоставима по масштабам с Н. Гоголем.

В отличие от многих других творцов петербургско-ленинградской культуры, Михаил Михайлович Зощенко связан с нашим городом с самого рождения, он прожил здесь почти всю жизнь, разделил его судьбу в извечном споре с Москвой, состоялся как литератор. Улицы, площади, дома Петербурга – Ленинграда хранят память о нем. М. Зощенко жил поблизости от Невского проспекта и любил гулять по его солнечной стороне. Его помнят набережные, по которым он часто ходил в минуты задумчивости, Летний сад, Садовая – здесь в кафе «Двенадцать» («название свое взяло от номера дома, а отнюдь не от поэмы Блока, как думали некоторые литераторы»¹) обычно обедали и ужинали «Серапионы».

Помнит его, конечно, и многострадальный дом № 9 по каналу Грибоедова, где он жил в «писательской надстройке» и после постановления 1946 года ждал ночью на лестнице ареста². Зощенко так и не уехал в Москву, хотя там, наверно, ему было бы легче. Друзья уговаривали его решиться на этот шаг. Но... Может быть, здесь держали года детства и юности, могилы родителей, свой читатель и окружающая красота. А Москва все больше становилась официальной, отталкивала казенщиной, повсеместным карьеризмом. «И что мне искать в Москве, если у меня настоящего и нет стремления снова засиять на литературном небе! Не браните меня за мою склонность к провинциальной жизни. Я ведь случайно прославился и не хотел бы снова этого. А жизнь в Москве – это все-таки поиски утраченного», – писал он Л. Б. Островской³. Москва была для него ареной поисков нового, скорее, местом подчинения новому, а он мечтал о покое и хотел остаться прежним и с прежним. Творчество Зощенко стало частью петербургской – ленинградской культуры.

В 1919 году двадцатичетырехлетний, но уже много переживший Михаил Зощенко оказывается в гуще литературной жизни Петрограда. Он поступает на отделение критики Литературной студии при издательстве «Всемирная литература», которой руководит К. Чуковский. Здесь, в доме Мурузи, он знакомится с будущими «серапионами» – Лунцем, Слонимским, Полонской, Груздевым. В Студии произошло знакомство Зощенко и с Гумилевым, Замятиным, Шкловским, Блоком. Тогда же писатель получает комнату в открывшемся на углу Невского и Мойки

¹ Каверин В. А. Петроградский студент. М., 1976. С. 180.

² Томашевский Н. В этом многострадальном доме... // Вспоминая Михаила Зощенко. С. 294.

³ Цит. по: Ленч Л. «Живой с живыми...» // Вспоминая Михаила Зощенко. С. 268.

Доме искусств; его соседи – Грин, Гумилев, Мандельштам, Форш, Ходасевич, Шкловский и др. Быт «сумасшедшего корабля» (О. Форш) затем переключается в его рассказы.

Без Зощенко трудно представить себе мир ленинградской культуры 20 – 40-х годов. Журнал «Бегемот» объединяет его с А. д'Актилем, В. Войновым, К. Мазовским; «Пушка» – с Н. Радловым, театр – с Н. Акимовым, А. Райкиным, М. Мироновой; злобное постановление 1946 года – с А. Ахматовой. Тонкими нитями он оказывается связанным со всей городской жизнью того времени.

Как писатель М. Зощенко сформировался после революции в литературном содружестве «Серапионовы братья», хотя писать, конечно, начал значительно раньше. Именно в 20-е годы сложилась его уникальная писательская манера, которую не спутаешь ни с какой другой и по которой всегда безошибочно определишь автора.

Вспоминая всем известное, долгое время бывшее главным, определение «Ленинград – город трех революций», сегодня думаешь о том, чем существование на арене трех революций обернулось для простого, далекого от политики горожанина. И, наверное, не случайно именно здесь и родился талант Зощенко – писателя, обратившегося к теме маленького человека на новом витке истории, как не случайно и то, что впервые эта тема прозвучала в литературе в связи с Петербургом – в «Медном всаднике» и «Станционном смотрителе» Пушкина, в петербургских повестях Н. Гоголя.

Отвечая на вопросы анкеты «Какое влияние оказала революция на Вашу творческую деятельность?», Зощенко написал: «... Я полагаю, что всякая революция качественно ухудшает литературу. Быт и авторитеты поколеблены. Нет ясности перспективы. И нет твердых цен на дрова и квартиру. <...> Лично мне революция “не мешает”. Я по большей части пользуюсь злободневным, проходящим материалом. Впрочем, иного материала я сейчас и не вижу».

Революция, которая совершалась ради счастья простых людей, поставила их в условия, недостойные человека; чтобы выжить, человек должен был проявить не самые лучшие свои качества. Зощенко увидел этот конфликт двойным зрением: с точки зрения маленького, или, как он скажет сам, «бедного» человека и с позиции независимого наблюдателя. Он был убежден, что общество может измениться, стать лучше только через нравственное обновление всех его членов, и пытался помочь своему читателю избавиться от обывательских черт, существование которых считал вполне обоснованным: «Это накапливалось столетиями. Сразу не бывает перерождения, и борьба с этим, по моему мнению, нужней и почетней, чем, скажем, акварельными красками описывать почти что выдуманных людей из будущего столетия»⁴.

Один из главных зощенковских героев – мещанин «нового типа», «революционной формации». С мещанами, описанными Куприным, Горьким, Маяковским и др., его роднит только мизерность интересов. «Он не копит деньги, не гоняется за материальными приобретениями и далек от того, чтобы пускать кому-либо пыль в глаза атрибутами буржуазной респектабельности <...>, герой Зощенко не нуждается в мимикрии, так как стихийно чувствует себя органической частью нового порядка и, хотя и бестолково, но искренне привязан к революции и ее символам»⁵. Революцией и советским государством с их пренебрежением к отдельной

⁴ Зощенко М. М. Уважаемые граждане : Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные комедии. М., 1991. С. 431.

⁵ Щеглов Ю. К. Энциклопедия некультурности : (Зощенко: рассказы 1920-х годов и «Голу-

личности он поставлен в невыносимые условия, к которым должен приспособиться, чтобы хоть как-то прожить.

Но есть среди зощенковских героев и категория приспособленцев, уверенных в том, что «все высокогуманные лозунги нужны лишь для внешнего употребления – для митинговых речей, для плакатов и газетных статей – и что никто не обязан воплощать их в своем обиходе»⁶. Они воспользовались лозунгами революции «ради того, чтоб обеспечить себе процветание и полное право на бездушную черствость»⁷.

Зощенко выработал особый язык, чтобы быть понятным своему читателю. «Мне просто трудно читать сейчас книги большинства современных писателей <...>. Может быть, какому-нибудь современнику Пушкина так же трудно было читать Карамзина, как сейчас мне читать современного писателя старой литературной школы...», «Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным»⁸.

Особую роль в его писательской манере с первых шагов играла пародия. Зощенко учится у классиков (прежде всего Гоголя, Достоевского), осваивает их темы, в том числе петербургскую, но одновременно и «уходит» от них. Мир изменился, а вместе с ним изменился «маленький человек» – в 1920-е годы его волнуют другие проблемы, и только на глубинном уровне, который и помогает выявить пародия, обнаруживается его родство с персонажами классиков. Пародия, как представляется, заостряя, гиперболизируя классические темы, являлась для Зощенко попыткой приблизить к классике послереволюционного читателя. При этом писатель понимает, что о вечных проблемах невозможно сказать прежним языком и в прежней форме.

Пародийно осмыслен в произведениях Зощенко и Город: живя в Городе, как в глухой провинции (герой повести «Коза» Забежкин, свернув по Карповке, оказывается чуть ли не в деревне; фельетон «Ох! Та!» рисует «медвежий угол» на Большой Охте), зощенковские персонажи отчуждены от него, в то время как автор видит и понимает его истинную красоту и значение. По его воле жизнь героев с их жилищными проблемами, униженностью, забитостью, отсутствием культуры кажется только пародией на подлинную жизнь, которой достойны жители этого необыкновенного места.

Невозможно не заметить, что М. М. Зощенко очень городской писатель. Перед нами то и дело возникают реалии крупного города, культурного и исторического центра, не потерявшего, по мысли автора, значения европейской столицы. Постоянные топографические упоминания создают впечатление достоверности, реальности происходящего. Но все-таки Зощенко, как и Гоголя, занимают не архитектура и топонимика Города, а его жители. Портрет Города, созданный им, мозаичен и вписан в быт, но из этой мозаики создается достаточно полная картина жизни Ленинграда 20-х годов, ценная еще и тем, что сохраняет для нас повседневные детали уже ушедшей в прошлое эпохи.

Здесь особый интерес представляют небольшие рассказы и фельетоны М. Зощенко. Если рассказы часто вырастали из реальных случаев, с которыми писатель сталкивался, работая в редакции, то фельетоны, написанные по горячим следам, непосредственно откликаются на письма читателей, на заметки в газетах –

бая книга») // Лицо и маска Михаила Зощенко. М., 1994. С. 220.

⁶ Чуковский К. И. Зощенко // Чуковский К. И. Сочинения : В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 577 – 578.

⁷ Там же.

⁸ Зощенко М. М. Уважаемые граждане. С. 586.

в них сатира писателя бьет в строго намеченную цель. Как вспоминали свидетели, Зощенко сочинял фельетоны прямо в редакции, на краешке стола⁹.

По рассказам М. Зощенко можно восстановить жизнь Петрограда – Ленинграда от голодного времени военного коммунизма и до года «великого перелома» в самых драгоценных – бытовых – подробностях, и эта жизнь дана нам через восприятие обычного, простого человека.

Исторические дни революции и гражданской войны увидены героями через быт, и трагично, что запомнились они беспросветной нуждой, ведь о «маленьком человеке» за масштабными делами никто не думает. Рассказ «Случай в провинции» начинается словами: «За фунт хлеба в Питере запрашивали два полотенца, три простыни или трехрядную гармонь»¹⁰. Для трехлетних детей нянькина сказка (в одноименном рассказе) оборачивается печальной былью: «А в те дни, детишки-ребятишки, в этом царстве гражданам мало-мало хлебушка выдавали... Кому, значится, четверка, кому осьмушка, а кому и полфунта синьки или пузырек уксусной эссенции». Нянька живет без воды («трубы лопнули»), без света («трык – открываю, а света нет»), но счастлива – все-таки не синьку жует, а ест хлеб, который ей принес сын Митюшка, служащий в Балтфлоте. Она и обнадежена его новым сообщением: «Ну, мамаша, радуйтесь. Еще, говорит, одна революция произошла» – «Это, говорю, хорошо. Это, говорю, отлично. Может, говорю, вода теперича будет...»

В послереволюционном городе драматические сцены и трагические события, происходящие ранее в доходных домах Гоголя и Достоевского, сменились мелкими драмами частной жизни жильцов коммунальных квартир – большей частью уже не из-за высоких материй, а как в рассказе «Нервные люди», из-за ежика для чистки примусов. В этих рассказах из коммунального быта появляется своя особая «поэзия» общежитий, тесных кухонь, музыки примусов, шума людских голосов и переплетения судеб: «А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Тесно. Кругом кастрюли и примуса. Повернуться негде. А тут двенадцать человек вперлось. Хочешь, например, одного по харе смазать – троих кроешь. И, конечное дело, на все натыкаешься, падаешь...»

Рассказ «Мокрое дело» возвращает нас к типичному петербургскому миру темных лестниц, но уже в пародийном ключе: «А лестница у нас, конечно, не ярко освещена. Лампочка угольная. Мутная. Кошку в двух шагах и то узнать трудно – за тигра принимаешь». Рассказчик и его сосед Петька Водкин в темноте принимают друг друга за грабителей, и один даже пробует задержать другого, поймав за воротник. Темная лестница, неясная тревога в груди, «бандит» – все завершается к всеобщей радости.

К классической теме – нищете, скрытой за благоустроенным фасадом – возвращает нас рассказ «Свободный художник»: на лестнице нет перил, жизнь по-прежнему полна бытовой неустроенности («Кто с печкой пристает, кто с ватером, у кого крантик неправильно открывается, и вода вытекает. У кого входной двери нету...»). Жилищный кризис приобретает такую остроту, а абсурдность политики заселения барских квартир и дворцов такова, что Зощенко остается совсем немного,

⁹ См., например: Чуковский К. И. Зощенко. С. 584; Поляков В. Зощенко заменить нельзя // Вспоминая Михаила Зощенко. С. 163 – 164.

¹⁰ Рассказы и фельетоны цитируются по следующим изданиям М. М. Зощенко: Собр. соч. : В 3 т. Л., 1986. Т. 1.; Собр. соч. : В 5 т. М., 1994. Т. 2.; Уважаемые граждане : Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные комедии. М., 1991.

чтобы в фельетоне «О чем только раньше думали!» довести эту картину до логического абсурдного конца: «В бывшем Зимнем дворце открыли бы, действительно, отделения Азрыбы. Благо недавно дворец отремонтировали. А в какой-нибудь Екатерининский дворец перевести бы контору Госречпароходства». Разумеется, редакция «Пушки», где работал писатель, с Фонтанки, 57 переехала бы в Эрмитаж, куда же еще? Все мысли озабоченных жилищным кризисом горожан заняты волшебным словом «жилплощадь»: как пустующая жилплощадь воспринимается дворец, а произошедшая в доме драма (муж из ревности убил жену и ее мать) также наводит лишь на мысли об освободившейся жилплощади («Бледнолицые мои братья. Квартира»).

В традиции Гоголя и Достоевского даже петербургский климат является гонителем маленького человека. Эту мысль, но в сниженном плане, мы находим в рассказах и фельетонах М. Зощенко. Так, климат разоряет извозчика, отремонтировавшего летом сани, но не дождавшегося зимы: «Вот подходит ноябрь месяц. Потом декабрь. После январь наступает, а снегу нету. Сами знаете, какая у нас в Ленинграде зима в этом году». Но продать сани, чтобы отремонтировать коляску, нельзя, так как питерский климат способен подвести вновь: «Санки он завтра продает, а послезавтра, глядишь, к марту месяцу, снежок выпадет» («Не согласен. Дядя Петя ошибается»).

По новому выглядит у Зощенко и тема «Медного всадника» – тема петербургских наводнений. В рассказе «Утонувший домик» герой, идя по на Васильевскому острову, замечает на неказистом домике (вспомним бедную Парашу) историческую надпись: «Уровень воды 23 сентября 1924 года». Впрочем, он мог этого и не заметить, слишком высоко находилась табличка, у второго этажа. А тут еще «какая-то каналья со второго этажа» дрянью в него плеснула. «Тут стали мне всякие ужасные картины рисоваться, как вода первый этаж покрывала и ко второму претя. А жильцы небось в испуге вещички свои побросали и на крышу с отчаяния лезут... И до того я стал жильцам сочувствовать в ихней прошлой беде, что и забыл про свою обиду». Через сострадание рассказчик прикасается к этой недавней беде и, возможно, к беде тех, кто пострадал от наводнений за всю историю города, к судьбе бедного Евгения. У Пушкина стихия разрушает жизнь героя и лишает его разума. Для героев Зощенко трагедия – отсутствие лампочки и беспредел хулиганов, а потому и указанный уровень воды оказывается в силу современных обстоятельств сильно завышенным: «В нашем районе, говорит, хулиганы сильно балуют. Завсегда срывают фактический уровень. Вот мы его повыше и приспособили. Ничего, благодаря бога, теперь не трогают. Высоко потому... А касаясь воды – тут мельче колена было». Рассказчик, возвращенный «экспозицией быта» (по выражению О. Форш) в свое время и бытие, отвечает с досадой: «Тоните».

Неустойчивость питерской погоды и абсурдность нового существования делают реальной пародийную ситуацию в фельетоне «Праздничный подарок»: для статьи об Октябрьских праздниках делаются заготовки на случаи разной погоды – в любом случае климат должен стать союзником трудящихся и врагом буржуазии: «С утра ожидалась хорошая, солнечная погода. Но к глубокому сожалению секции печатников, тяжелые ленинградские тучи заволкли бывший небосвод... Прошел мелкий осенний дождик. Крупные капли дождя, однако, ничуть не смущали закаленных в боях сердец трудящихся. Стальные колонны мужественно перли по чем попало, невзирая на дождь и ямы... Нуте-ка суньтесь, – шептались между собой трудящиеся. – По такой-то слякоти...»

В большом городе человеку некогда заниматься философскими вопросами бытия, ему нужно выжить. Именно для этого безработный добивается, чтобы его укусила собачка, тогда можно получить с хозяина деньги за «моральный ущерб». («Доходная статья») «Беспочвенный интеллигент» Иннокентий Баринов не зная, «как прожить на этом свете», задумывается – «может быть, выгодней нырнуть хотя бы в ту же реку Фонтанку». Но поиски ответов на «проклятые вопросы бытия» сами собой отпадают, их заменяет постоянная борьба с неприятностями, которые сыпятся на Иннокентия, как из рога изобилия: ему грозит уплотнение, его обворовывают, он ломает руку («Не все потеряно»).

Противопоставление столицы и провинции – один из аспектов петербургской темы в классической литературе. Несмотря на утерю столичного статуса, в психологии людей (и самого Зощенко во многом тоже) Город остается столицей. У Гоголя, Гончарова с Петербургом традиционно связывается логическое, рациональное, государственное начало, а с провинцией – эмоциональное, семейственное. Во многих рассказах М. Зощенко можно найти пародийные отголоски этой традиции.

Классическая ситуация – встреча провинциального родственника со столичным – предстает в пародийном свете в рассказе «Не надо иметь родственников» (ср. в «Обыкновенной истории» Гончарова встречи провинциала Александра Адуева со столичным дядей и с уехавшим когда-то в столицу приятелем). Провинциал Тимофей Васильевич после трехдневных поисков столичного родственника узнает, наконец, в кондукторе трамвая племянника Серегу Власова. Встречаются провинция и столица, эмоциональность и некоторая чопорность, сдержанность горожанина (что характерно – недавнего). Провинциал-дядя обрадован, кричит, смеется и открыто объясняет всем пассажирам: «Это он мне родной родственник, Серега Власов. Брата Петра сын... Я его семь лет не видел... сукинова сына...» Но его расчеты на теплый прием не сбываются: племянник, «чувствуя себя при исполнении служебных обязанностей, не знал, чего ему говорить и как вести себя с дядей». Для него уже четко разграничены сферы жизни: вне службы он наверняка обнял бы дядю, но на службе он требует денег за билет. Он не может нарушить правила, т. к. в столице сильно начало не «семейственное», а «государственное»: «Вы, товарищ дядя, не сердитесь. Потому как не мой здесь трамвай. Народный». Дядя, в свою очередь, не собирается экономить гривенник, но в его представлении денежные вопросы между родственниками решаются по-иному, не взять трамвайную плату – значит проявить уважение: «Мол, спрячьте, дядя, ваш трудовой гривенник. Езжайте на здоровье. И не развалится от того трамвай». И уже приготовив монету, он сходит с трамвая, потому что «не могу тебе, сопляку, заплатить».

Тема «семейственности» провинции выходит на первый план и в рассказе «Драка». В тихом дачном местечке под Ленинградом местный милиционер безучастно смотрит на драку и «клюет семечки», хотя один из дерущихся уже «ослаб от частых ударов по разным нужным органам своего тела». Но местные такую позицию понимают: «Он свяжется, а после на него жители косо будут глядеть... Это не в Ленинграде. Тут каждый житель на учете». В Городе, следовательно, каждый житель не на учете, он сам по себе и борется за жизнь в одиночку. Замечательно звучит финал рассказа: «Драка понемногу ослабевала. И вскоре трое дерущихся в обнимку пошли с вокзала».

В ироническом ключе, без какого-либо рокового оттенка возникают в небольших рассказах Зощенко петербургские темы денежного наваждения и несчастливого веселья (см., например, рассказ «Еще касаето того же»), в трагикомиче-

ском ключе звучит тема соблазнов «веселой жизни». На заводе выдают зарплату крупными купюрами сразу на троих, и стремление разменять деньги приводит героя к ресторану «Вена» и другим «злачным» местам: «Пошли, конечно, менять. Закусили, заплатили, выпили...». В результате от денег почти ничего не остается («Плохие деньги»). В рассказе «Прятели» двое сидящих за пивом в портерной спорят не о мировых проблемах, как герои Достоевского, а о том, что более вредно – пьянство или карточная игра. Эти «воспоминания» приводят к тому, что один требует себе «самогонки с горя», а второй идет на Владимирский играть: «В картишки сыграю. Что-то разохотился я воспоминаньями».

Сниженной оказывается и тема обманчивого Города, разрушающего мечты и надежды. Невский проспект у Зощенко обманывает, как и у Гоголя, но плата за обман – уже не рассудок и жизнь. В Екатерининском сквере герой встречает девушку, читающую книгу на французском языке, «время от времени шпилькой переворачивая страницы». Но когда он по-французски осведомляется, какой это роман, оказывается, что «бедняжка ни слова не понимает по-французски» («Тщеславие»). Холодная ночь и луна являются подходящей декорацией для появления грабителей и испытания чувств молодого человека, еще недавно готового ради своей дамы на любой безумный, отчаянный поступок, а теперь указывающего грабителю, чем он может поживиться («Любовь»).

В обманчивом Городе не верят в существование хотя бы одного честного человека. В рассказе «Бедный Тыркин» «лицо свободной профессии», подавая фининспектору верные сведения о своих доходах (вплоть до двугривенного, найденного на трамвайной площадке), видит сон, что «все фининспекторы города Ленинграда и его окрестностей стоят перед ним и в порядке живой очереди жмут ему руки и восхищаются его доблестью». Но фининспектор, уверенный в том, что «жулик народ пошел», удваивает причитающуюся с Тыркина сумму.

Город и в советское время сохраняет свое чиновничье лицо. По-прежнему бюрократическая система, мертвая и абсурдная, обезличивает человека. В учреждение нельзя войти без пропуска и выйти без закорючки на нем: «Этак может лишний элемент пройти. Учреждение опять же могут взорвать на воздух. Не Андреевский рынок». Но пропуск в то же время выдается абсолютно формально: «... даже в личность не посмотрели. Просто голая рука высунулась, помахала и подает пропуск» («Закорючка»).

Вот в Зимнем дворце Музейный фонд распродает «разные царские портьеры, бордюры, разные рюмочки, плевательницы, сорочки и другие разные царские штучки». Но «разное царское барахлишко», купленное на распродаже, оказывается некачественным. Потеряв, не доходя до Дворца Труда подметку и дойдя без нее на Васильевский остров, герой убеждается, как быстро течет время: «Все-таки, как хотите, со дня революции десять лет прошло. Нитки, конечно, сопреть могли за это время. Это понимать надо» («Царские сапоги»). Таким странным образом герои осознают себя участниками движения истории, а город – частью мировой истории и культуры.

Сочетание городской разрухи с пышными историческими штампами (например, Северная Венеция) обыгрывается Зощенко в фельетоне «Каждый сам себе – граница». За границу ехать не надо, «все это добро у нас тоже имеется»: «В одном Ленинграде этих каналов – чертова уйма. Крюков канал. Обводный. Екатерининский. Опять же река Таракановка. Плыви – не хочу»; «У нас в Ленинграде по некоторым улицам идешь, как по окрестностям Рима. Не то, думаешь, развалины Форума, не то развалины какой-то постройки более поздней эпохи».

Европейская цивилизация, пришедшая в Россию через «окно в Европу», не спасает человека в его одиноком, будничном, неустроенном существовании. Конторщик Сережа Колпаков, заключив договор на установку телефонного аппарата, чувствует себя приобщившимся к цивилизации. Он гордо идет по улице, ощущая себя Человеком, значительным лицом, он «включен, так сказать, в общую сеть жизни... – настоящий, истинный европеец с культурными навыками и замашками». Постепенно в рассказ вплетается традиционный для петербургской прозы мотив одиночества человека в большом городе, которое невозможно преодолеть, даже обладая технической новинкой: «Он мысленно стал перебирать в памяти своих знакомых. Однако знакомых было мало. И телефонов у них не было». В конце концов, герой звонит в Коломенскую пожарную часть и его арестовывают за хулиганство («Европеец»).

Одиночество можно сгладить «культурными развлечениями», но мотивы их выбора у героев Зощенко соответствуют их внутреннему миру: «... Кино все-таки лучше. Оно выгодней театра. Раздеваться, например, не надо – гривенники от этого все время экономишь. Бриться опять же не обязательно – в потемках личности не видать». («Кинодрама») К тому же в театр не идут не столько потому, что «репертуара нету» и «Мейерхольд в отпуск уехал», сколько из-за «вешалки» – «самое театральное зло» как раз в том, что гардеробщики требуют надбавку за хранение одежды («Раздевают»).

Культура большого Города оказывается все же «сильным средством», но она, тем не менее, не может изменить образ жизни маленького человека. Побывавший в театре Петр Антонович не хочет уходить: «Куда же, говорит, я теперь пойду на ночь глядя? Небось, говорит, все портерные закрыты уж». И хотя он и становится завязтым театралом, но по субботам продолжает регулярно напиваться («Сильное средство»).

Город-культурный центр дает возможность встретиться с любой знаменитостью или стать участником масштабных исторических событий, а затем отразить в «мемуарах» то, к чему прикоснулся. Так появляется у Зощенко своеобразная пародия на рассказы-мемуары, характеризующие прежде всего уровень личности самого «мемуариста». В «Мемуарах старого капельдинера» герой со своей «колокольни» оценивает подлинных участников культурной жизни Города: Шаляпин – «Бас очень даже замечательный... Но, конечно, голос у него не такой уж черезчур громкий, как некоторые воображают себе...»; Глазунов – «хороший композитор и капельмейстер», «Он мужчина полный и представительный. Некоторые утверждают, будто крупнее его и нету, но это говорят необдуманно». Повествование героя «Исторического рассказа» о том, как он «видел Ленина», напоминает нам много раз читанные многочисленные воспоминания о «дорогом вожде»: рассказчик беседовал лишь с шофером, и нет никакой уверенности в том, что мельком виденный в машине человек с поднятым воротником был Лениным.

Город – «музей под открытым небом», но в этом музее царит варварство: «то здесь бронзовый памятник сперли, то там чугунную решетку уволокли» («Третий способ»), «отбивают медные шишечки у решеток и разные, довольно нужные, художественные штучки. Однако, слух о том, что у Петра Великого сперли змею, еще не подтвердился» («Веселые проекты: Тридцать счастливых идей»). Когда на знаменитом Волковском кладбище «уволокли» «цельный бронзовый бюст, кажется что Гончарову», принимается удивительное по абсурдности решение: снять бюсты и памятники с могил и усилить охрану объекта. («Третий способ») Надо думать, что Зощенко представлял себе, насколько недалеко от действительности эта пародия на глупость и равнодушие чиновников.

Город, встающий перед нами в рассказах и фельетонах Зощенко, полон абсурда повседневности, идущего от самой советской системы и проявляющегося во всех реалиях жизни. Так, в больнице путают больных-однофамильцев и вливают больному алкоголику кровь от малярийного больного, которую полагалось перелить страдающему от паралича («Домашнее средство»). На пивоваренных заводах рабочим «для поддержания здоровья» выдают по две бутылки бракованного пива, в котором попадаются «щепки, волоса, мухи, грязь и прочие несъедобные предметы». Абсурд доведен до апогея – домочадцы рабочего мечтают найти в бракованном пиве вещи, нужные для хозяйства: «Хотя бы наперсток дешевенький попал или бы пуговица. Мне пуговицы нужны»; «Мне кнопки требуются... Можете обождать с вашими пуговицами...»; «Трубу хочу... Хочу, чтоб труба в бутылке»; «Рояль хочу... Хочу, чтоб рояль в бутылке». И по-чеховски грустно звучит последняя фраза (ведь в Городе все связаны друг с другом, и если плохо одному, это передается окружающим): «А за окном тихо плакал прохожий, облитый густым баварским пивом» («Щедрые люди»).

Если писатель, возможно, думает о том, каким будет его будущий читатель, то и читатель «реконструирует» через произведение личность автора, создает для себя его образ. Зощенко удалось стать «своим» для тех, кому он адресовал свои произведения, кто понял его мнимую простоту и сумел оценить и его тонкую иронию, и блестящую пародию, и юмор с грустинкой. Образ Города, каким его увидел Зощенко, к сожалению, несколько не устарел. Невский по-прежнему блестящий, манящий и недоступный; человек, в сущности, по-прежнему одинок даже с телефонной трубкой в руках; по-прежнему коммуналки делают соседей врагами; музеи и театры по-прежнему далеки от многих не столько из-за цены билетов, сколько из-за бесконечной цепи реальных и надуманных будничных дел.

Произведения Михаила Михайловича Зощенко задают нам вечный вопрос: так ли мы живем, будет ли достойным наше будущее, сумеем ли сохранить то лучшее, что есть в нашем Городе?